АМЕРИКАНСКИЙ ФЕМИНИЗМ И ПОЛИТИКА МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА: ДИСКУССИИ В США

Л.Н. Попкова

В статье рассматриваются американские феминистские дебаты и критика теории и политики мультикультурализма в США 1990–2000-х гг. Критика основывается на несогласии с политикой приоритета групповых прав этнических общин, которая на практике обостряет проблему совместимости сохранения традиционных культур с либеральными ценностями прав женщин внутри иммигрантских групп.

Ключевые слова: феминизм, мультикультурализм, гендерное равенство, групповые права, права женщин, этнические общины

The article concerns American feminist debates and criticism of the multiculturalism theory and politics in the USA in 1990s–2000s. The criticism is based on the disagreement with the priority of ethnic group rights which in practice intensify the problem of the compatibility the preserving of the traditional cultures with liberal values of women's rights within immigrant groups.

Key words: feminism, multiculturalism, gender equality, group rights, women's rights, ethnic communities

DOI: 10.32608/1010-5557-2021-2021-86-91

Американский феминизм, обозначаемый активистками как «третья волна», проходит стадию радикальной самокритики концепций и практик массового женского движения «второй волны» 1960–1980-х гг. Главное внимание критиков было направлено на переосмысление упрощенных представлений классических феминистских теорий о существовании универсального женского опыта и общих интересов всех американских женщин¹. Начало процессу ревизии было положено формированием в середине 1980-х гг. отдельного течения

Попкова Людмила Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений. ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени С.П. Королева».

¹ Third Wave Agenda: Being Feminist, Doing Feminism / Ed. by L. Heywood. Minneapolis, 1997; Third Wave Feminism: A Critical Exploration / Ed. by S. Gilliset et al. Basingstoke, 2007.

черного феминизма, идеи которого оказались во многом созвучны идеологии и политике мультикультурализма. Мультикультурализм как политика сохранения культурного разнообразия этнических и расовых групп в рамках единой американской нации приходит на смену ассимиляторской стратегии плавильного котла в 1970-е гг. Культурная политика идентичности дополнялась программой «позитивных действий», закрепляющих за разными группами особые права на социальные льготы и преимущества в получении образования и работы².

Феминистское сообщество первоначально почти единодушно поддерживало новую стратегию как справедливую меру преодоления дискриминации. Известный феминистский политолог Айрис Янг настаивала на том, что «только государственная поддержка культурных различий приводит к трансформации властных иерархических отношений между группами»³. Первым логическим жестом афроамериканских феминистских исследовательниц стала критика либеральных концепций «второй волны» за их дискурсивную неспособность отразить опыт расизма и дискриминации женщин из расовых и этнических меньшинств. По их мнению, либеральный феминизм белых женщин среднего класса игнорировал проблемы расы и этничности, считая их второстепенными по отношению к проблеме патриархата.

Теоретики черного феминизма выступили с критикой ключевого тезиса «второй волны» женского движения США 1960–1970-х гг. о существовании универсального опыта угнетения женщин. Идеолог афроамериканского феминизма Белл Хукс в книге, опубликованной в 1984 г., рассуждая о необходимости создания отдельной теории, предваряет воспоминаниями о своем активистском опыте 1970-х гг. «Наше участие в движении, — писала она, — не принималось во внимание. Белые женщины были убеждены, что “быть настоящим черным” означает разговаривать на местном просторечии черных бедняков, быть необразованным, с уличным воспитанием, плюс множество иных стереотипов. Если мы решались на внедрение новых идей, наши голоса заглушались или замалчивались. Нас могли услышать, только если наши заявления повторяли мнение доминирующего дискурса»⁴. По мнению Хукс, проблема заключалась в том, что «белые женщины, которые создают и артикулируют феминистскую теорию, не в полной мере или совсем не осознают свой внутренний расизм». Мультикультурализм служил, по ее мнению, исправлению ситуации «непризна-

² Малахов В.С. Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций. М., 2014; Чертина З.С. Плавильный котел? Парадигмы этнического развития США. М., 2000.

³ Young I. *Justice and the Politics of Difference*. Princeton, 1990. P. 96.

⁴ Hooks B. *Feminist Theory: From Margin to Center*. Boston, 1984. P. 11–12.

ния» опыта расового и этнического угнетения американских женщин, а предоставление особых прав расовым и этническим сообществам диктовалось задачами утверждения прав на идентичность и свой голос в феминистском движении.

В 1990-е гг. академическое и политическое феминистское сообщество оказалось расколотым по проблеме мультикультурализма. В этот период в США растет количество этнических иммигрантских общин, также претендующих на сохранение своей культурной идентичности, вне зависимости от культуры большинства нации. Принцип приоритета коллективных прав этнических сообществ на сохранение культурной самобытности обостряет проблему защиты индивидуальных прав женщин из иммигрантских общин. Под прицелом феминистской критики оказались и концепции, и практики мультикультурализма. Теоретики новой этнической политики, канадские философы У. Кимлика и Ч. Тейлор, доказывали, что культурная принадлежность играет фундаментальную роль в жизни членов культурных групп, развитии чувства собственного достоинства личности, самоуважения и самооценки. «Поскольку наша идентичность, — писал Тейлор, — отчасти формируется в результате признания или отсутствия такового со стороны других, поэтому группа или человек могут реально пострадать в результате искаженного или ошибочного признания»⁵. Автономия индивидов оказывается привязанной к членству в культурной группе. «Только будучи включенными в некую культурную структуру, — доказывал Кимлика, — индивиды в состоянии распоряжаться своей собственной жизнью»⁶. При этом культура в данных рассуждениях предстает как неизменный целостный набор определенных социальных практик, ценностей, норм, без принятия которых невозможно формирование идентичности членов культурной группы.

Наиболее активные критики, либеральные феминистки, указывали на опасность ситуации, когда универсальные либеральные ценности и приоритеты равенства индивидуальных прав отходят на второй план, а идея групповой принадлежности сменяет идею индивидуальной независимости. Опасность доминирования «культуры» над индивидом ограничивает автономию и оказывается не меньшей опасностью, чем доминирование большинства над меньшинством. При обсуждении гендерной нечувствительности мультикультурализма с точки зрения защиты индивидуальных прав женщин из иммигрантских общин феминистские критики подчеркивали, что отказ государства от попыток ассимиляции культурных групп оказывается фактически передачей

⁵ *Taylor Ch.* Multiculturalism and the Politics of Recognition. Princeton, 1992. P. 25.

⁶ *Kymlicka W.* Multicultural Citizenship: A Liberal Theory of Minority Rights. Oxford, 1995. P. 165.

полномочий по регулированию гендерного порядка этническим общинам. По их мнению, отказ от возможности установить иерархию между различными гендерными порядками означает сдачу позиций без боя локальным этническим элитам. Логика сторонников мультикультурного феминизма приводит к утверждению, что «убийства женщин во имя защиты чести рода», принудительные детские браки являются ничуть не более угнетающими, чем западная мода или неучастие женщин в работе парламентов.

В 1999 г. феминистский политолог Сьюзен Оукин своей работой под провокационным названием «Вреден ли мультикультурализм для женщин?» обострила общественную дискуссию. Она доказывала, что поскольку большинство этнических иммигрантских общин сохраняют патриархатную гендерную систему, политика государственной поддержки традиционной культуры угрожает правам женщин из этих общин. «Очевидно, — писала она, — что большинство культур патриархально. Многие (хотя и не все) из культурных меньшинств, требующих групповых прав, еще более патриархальны, чем культуры, которые их окружают. Следует ожидать, что соблюдение особых групповых прав будет использовано для сохранения неравноправных гендерных структур»⁷. В ответ она получила обвинения в колониальном подходе белых либеральных феминисток, которые стремятся патерналистски говорить от лица женщин из групп этнических меньшинств, рассматривать их исключительно как жертв и определять за них стратегии сопротивления.

В этих дебатах подобное обвинение было сложнее предъявить другому критику, авторитетному феминистскому философу Сейле Бенхабиб — американке турецкого происхождения. Бенхабиб видела главную проблему в государственной поддержке коллективных идентичностей, означавшей, по сути, по ее мнению, принудительное приписывание индивида к определенной культуре. В обсуждении групповых прав на признание культурных практик необходимо обеспечить признание равной репрезентации и равных прав всех членов культурного сообщества. В работе, опубликованной в 2002 г., она критикует концепции Ч. Тейлора и У. Кимлики за их ошибочное соотношение индивидуальных и коллективных запросов на идентичность. Рассмотрение индивидуальных прав (прав на автономию) и групповых прав (на сохранение культурной самобытности) как взаимодополняющих, а не как отдельных или даже противоречащих друг другу, приводит к серьезным проблемам с соблюдением либеральных принципов. Лидеры этнических сообществ, которыми всегда являются

⁷ Okin S. Is Multiculturalism Bad for Women? Princeton, 1999. P. 17.

мужчины, репрезентируют интересы своих групп, не принимая в расчет права женщин, как наиболее дискриминируемых членов сообщества⁸.

В 1990-е гг. стали очевидны некоторые последствия новой политики для женщин из иммигрантских общин. Бенхабиб приводит многочисленную практику судебных дел в США, когда адвокаты обвиняемых в тяжелых преступлениях использовали аргумент «защиты культурной самобытности», в результате чего они смогли избежать наказания. В Нью-Йорке американка китайского происхождения была насмерть забита своим мужем. Основанием для оправдания стал аргумент защиты о том, что его действия были продиктованы китайским обычаем наказания неверных жен. «Меня заставила это сделать моя культура» — так можно было сформулировать аргумент в пользу утверждения нового принципа учета культурного разнообразия в практике уголовного права.

Либеральные суды, стремясь быть справедливыми с точки зрения учета культурного опыта иммигрантов, загнали себя в ловушку, отказывая в защите своим гражданам их индивидуальных прав, в том числе даже права на жизнь. Другой феминистский политолог Айлет Шачар в книге, посвященной проблеме соблюдения прав женщин в условиях сохранения культурных различий, назвала подобную ситуацию «парадоксом мультикультурной уязвимости». Политика, нацеленная на обеспечение равенства и выравнивание правил игры для сообществ меньшинств и большинства нации, приводит к тому, что гражданские права индивидов, относящихся к этим меньшинствам, систематически нарушаются⁹.

Полемизируя со сторонниками безусловного признания и сохранения всех этнокультурных различий, Сейла Бенхабиб утверждает, что в зрелых обществах политическое включение новых культурных групп скорее приведет к гибридизации культурного наследия, а современные люди смогут выбрать, поддерживать ли им свои культурные традиции или разрушать их. Бенхабиб предлагает альтернативную мультикультурную концепцию, которую она назвала «моделью совещательной демократии» («deliberative democracy»). При этой модели соблюдение выдвинутых Бенхабиб принципов должно создать механизмы одновременного обеспечения этнического разнообразия и индивидуальных прав. Первый принцип обозначен как «эгалитарная взаимность». Суть его в том, что представители культурных, эт-

⁸ Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М., 2003. С. 60–62.

⁹ Shachar A. Multicultural Jurisdictions: Cultural Differences and Women's Rights. Cambridge; N.Y., 2001. P. 386.

нических, религиозных, языковых и иных меньшинств не должны по причине своей принадлежности к этим меньшинствам ущемляться в гражданских, политических, экономических и культурных правах по сравнению с представителями большинства. Второй принцип «добровольного самопричисления» означает, что человек не должен автоматически причисляться к какой-то культурной, религиозной, языковой группе лишь по факту своего рождения. Самоидентификация может подвергаться оспариванию; тем не менее государство не должно просто передавать право определять и контролировать членство самим группам в ущерб отдельному человеку. Наконец, третий принцип требует обеспечения свободы выхода человека из группы, к которой он приписан, даже если это сопряжено с потерей некоторых формальных прав и привилегий¹⁰.

Основной идеей феминистского сообщества 1990–2000-х гг. становится тезис о том, что приверженность принципам демократической включенности требует обязательного взаимного приспособления культур в рамках либеральных политико-правовых институтов и практик. Именно эти принципы, а не превознесение и сохранение некой культурной традиции должны быть положены в основу реформирования государственной политики мультикультурализма.

¹⁰ Бенхабиб С. Указ. соч. С. 157–158.